

Статьи Мiсто Мир Ляшева, Альона Голубчиков, Олег

27 февраля 2019 1939

Интервью с Олегом Голубчиковым

Олег Голубчиков — географ, преподаватель Кардиффского университета, главный научный сотрудник Института региональных исследований и городского планирования Высшей школы экономики. Он один из первых, кто всерьез занялся проблемой неравномерных пространственных трансформаций в постсоветских обществах. Многие его критические исследования посвящены анализу региональных и городских неравенств. Мы пообщались с Олегом о роли рыночных преобразований, применимости западных теорий для анализа постсоветских городов, последствиях джентрификации и немного о том, почему нам необходимо иметь конкурентные модели будущего.

Алёна Ляшева: *Почему Вы решили заниматься темой пространственных неравенств, городских трансформаций, недвижимости?*

Олег Голубчиков: Благодарю за приглашение принять участие в вашем проекте «Пространство и неравенство». Тема крайне важная и тяжелая — как для общества, так и для политики и управления. Прогрессивных дискуссий, к сожалению, часто не хватает в нашем регионе, и ваш журнал восполняет эту интеллектуальную нишу.

Меня всегда привлекал город как аналитическая категория. Ведь город является высшей формой общественного сосуществования, концентрацией достижений цивилизации, в том числе технических и культурных, но также и проблем общества. Город — это и экономическая, и социальная, и культурная, и экологическая, и технологическая, и энергетическая категория и так далее. Если глаза — зеркало души, почва — зеркало ландшафта (так говорил Докучаев), то для меня город — зеркало общества. Понимание современного общества (развитого или не совсем) невозможно без понимания города и городских процессов. Как говорил Черчилль, сначала мы формируем здания, а потом они формируют нас. Так же и город: общество его формирует, а он, в свою

очередь, во всем своем социально-техническом многообразии формирует общество. Происходит взаимное производство города и социума.

"Понимание современного общества невозможно без понимания города и городских процессов."

К теме городских исследований и недвижимости я плотно подошел в начале века с момента обучения в магистратуре по программе управления недвижимостью в Королевском технологическом институте в Стокгольме. До этого я закончил географический факультет МГУ, городов касался сквозь призму экологии и природопользования. Многие мои профессора в Швеции были явно зациклены на неолиберальных идеях, которые противоречили практике шведского общественного устройства. Несмотря на это, мы изучали и экономику общественного сектора, и неинституциональную экономику, и регуляционные институты, включая шведские модели землеустройства и территориального планирования. Я заинтересовался политикой городского планирования. Первая моя статья в международном научном журнале была посвящена институциональным реформам в системе городского планирования. Она была написана на основе магистерской работы.

Дальнейшая подготовка PhD в Оксфорде утвердила эти векторы, но и вернула меня в стезю географии, погрузила в критические концепции, в том числе рассматривающие проблемы пространственного неравенства. Диссертация была посвящена проблемам неравномерного трансформирования экономик городов в постсоветскую рыночную систему и роль идеологии в формировании пространственного неравенства. Взгляд изнутри «развитой капиталистической системы», коей представляется Британия, позволил также переосмыслить проблемы того, что Анри Лефевр называл «социальным производством пространства» — взаимопроникновения социальных и пространственных процессов, воспроизводства социального неравенства и утверждения классовой гегемонии, в том числе через городские процессы и городское пространство.

В последнее десятилетие работал преподавателем в различных ведущих университетах и продолжаю заниматься городскими исследованиями.

АЛ: *Вы один из немногих постсоветских географов, которые критично рассматривают рыночные трансформации в нашем регионе, используя политэкономический анализ. Почему Вы выбрали именно такую парадигму? Ведь она, мягко говоря, малопопулярна в постсоветской социальной науке. Не было ли опасения, что Вас не поймут постсоветские коллеги?*

Начнем с того, что я не являюсь строгим приверженцем парадигмальной дисциплины, от которой не отступить ни вправо, ни влево. Мне больше важна сущность того, что я исследую, в том числе политическая сущность. Политэкономический анализ, действительно, позволяет зачастую разумнее и глубже погрузиться в эту сущность. А критическое мышление — это фундамент не только социальных, но и любых исследований. Скажу больше: это основа любого здорового и здравомыслящего общества, способного с прогрессу, креативности, инновациям.

Мне кажется, что сейчас уже многие рассматривают трансформации в нашем регионе, используя критический анализ. Особенно за последнее десятилетие заметен ренессанс критических подходов в социальных науках. Переводится много книг, которые раньше не пользовались бы спросом. Соответственно, идет и насыщение социальных наук разными подходами. За последние годы появился мощный импульс интереса к исследованиям города, урбанизму. Появляются новые факультеты и университетские дисциплины. Например, в Высшей школе экономики в Москве сейчас создается большой объединенный факультет городского и регионального развития из разных структур. Там проводятся публичные и открытые лекции по городским темам, которые привлекают большую аудиторию. Возникает новый феномен, который можно назвать социальным урбанизмом — интерес к урбанизму и городским вопросам у гражданского общества. Такие важные проблемы, как социальное неравенство в постсоветских странах, входят в общественно-политический дискурс. Они перестали «замалчиваться» и быть предметом чисто научных исследований, статистики и всякого рода иных компетентных органов. Так и пространственное выражение этих проблем, вопросы территориальной (пространственной) справедливости и несправедливости выходят из тени кабинетов и аудиторий в более широкий общественный дискурс.

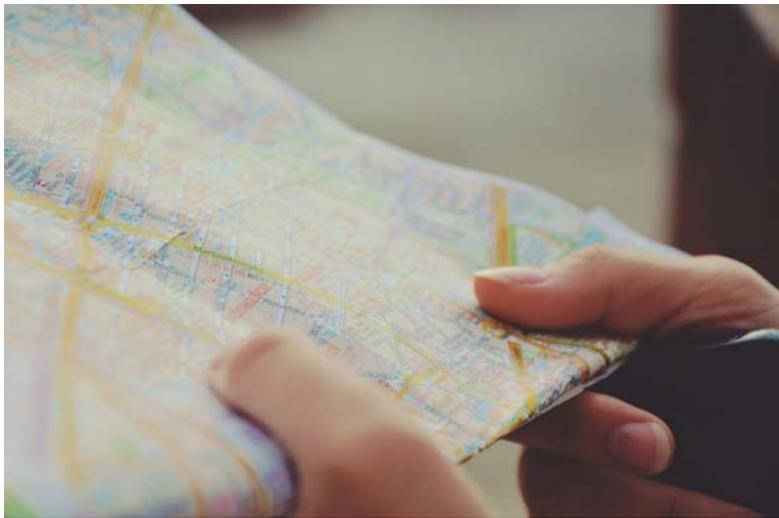
"Критическое мышление — это фундамент не только социальных, но и любых исследований."

Постсоветская география, действительно, несколько отставала, однако ее интернационализация так или иначе заставляет и географов воспринимать те подходы, развитые в международном дискурсе академической науки. А в научном мире «критическая география», основанная на политэкономическом анализе, марксизме или постмарксизме, — скорее мейнстрим, нежели периферия. Она пытается понять более глубокие факторы и процессы, в том числе на основании моральной философии. Может быть, академическая экономика более зашорена в этом отношении (по крайней мере, ведущие экономисты на Западе иногда жалуются на это). Но, скажем, социология и география как академические науки противопоставляют экономике свой «неортодоксальный» (*heterodox*) подход и более «утонченное» (*nuanced*) понимание сути происходящих социальных процессов.

АЛ: *Социальную географию в постсоветских странах долгое время развивали, как позитивистскую науку, которая не столько объясняет*

окружающую действительность, сколько описывает, например через уйму социально-экономических показателей, изображенных на карте. Меняется ли ситуация? Если да, то почему? Если нет, то возможно ли на это влиять?

ОГ: В социально-экономической географии в странах нашего региона были и есть разные подходы. Собственно, объяснять действительность невозможно без ее описания, глубинную суть процессов невозможно понять без детализации их проявления. Но я согласен, что в целом господствует позитивистский подход. Один отечественный географ-урбанист, известный и уважаемый мною, сказал мне однажды, что критические политэкономические изыскания, включая те, которые получают резонанс в международной литературе, ему напоминают теории заговора, поскольку там находят связи и системы, которые, строго говоря, не доказать «традиционными» эмпирическими методами, например статистическими. Это позитивистский подход. Но и он, видимо, имеет право на существование и производит массу полезного знания и идей.

Меняется ли ситуация? Меняется, и мне кажется, под влиянием интернационализации научного обмена, более широкого проникновения международной литературы (в том числе переводной), а не поиска внутренних корней, например в марксистско-ленинской философии. По опыту постсоциалистических городских исследований могу отметить, что концептуальный ландшафт исследований особенно изменился в последнее десятилетие. Новое поколение исследователей, условно говоря, до 30 лет и чуть старше, менее зашорено и более открыто к интеллектуальным традициям и инновациям. Их подход к проблеме социального неравенства и социального несправедливости более чуткий и искренний, нежели подход многих представителей старших поколений, которые воспитаны в определенной идеологической среде — либо в духе позитивизма, либо неолиберализма. Ребята помладше вызывают у меня больше оптимизма.

АЛ: *Часто в социальных науках доминируют теории, которые были созданы на основе исследований западных городов и регионов. Харви, Смит, Бреннер (список можно продолжать) в теоретизировании отталкиваются от опыта городов, сильно отличных от постсоветских. Какие проблемы это вызывает у исследователей? Какие есть варианты их решения?*

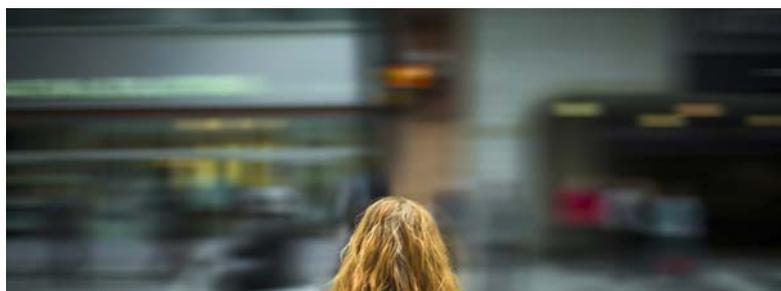
ОГ: Действительно, такая проблематика обсуждается в научном сообществе. С одной стороны, фундаментальные процессы в контексте капитализма так или иначе имеют общую природу. Те авторы, которых Вы

упоминаете, ярко определяют многие фундаментальные отношения и процессы, так же как и Маркс определял социальные отношения, актуальные для всего общества. С другой стороны, есть тенденция определенного научного колониализма в том, что некоторые концепции привязываются к тем городам и регионам, где они не имеют того же смысла, как на своей исторической родине. Такая интерпретация может исказить суть происходящего, концентрировать внимание на менее значимых факторах и даже выдавать искаженные рецепты. Хотя я бы не стал здесь паниковать и преувеличивать. Все же использовать теоретический аппарат, развивать его или критиковать лучше, нежели заниматься описательством.

Можно также отметить, что в научном мире, в социальных науках выходят на первый план компаративистские идеи, сравнительный анализ социальных процессов в различных регионах, а также идея, что теории должны, с одной стороны, производиться по возможности за пределами англосаксонского мира, а с другой — быть более чуткими к дифференциации, разнообразию мира и местному контексту. Такие идеи хорошо сочетаются как с постколониальным подходом, так и с постпозитивистскими, постструктуралистскими и постмодернистскими веяниями.

Вместе с тем, действительно, не хватает использования опыта постсоветских городов для мировой урбанистики, для тех же сравнительных исследований и теоретизирования. А этот опыт огромен. Ведь мы имеем дело с экспериментом в естественных условиях, когда за короткий по историческим меркам промежуток времени происходила смена матрицы социальных отношений, идеологических векторов, создание того же классового общества. И если город — зеркало общества, то постсоветский город должен стать отправной точкой для построения новых концепций или улучшения существующих, в том числе в плане лучшего понимания, каким образом капитализм переформирует пространство и общество. Я обсуждал эти вопросы недавно в своей статье под названием «*Urbanization of transition*» в специальном выпуске журнала *Eurasian Geography and Economics*, посвященному городам. Статья опубликована в открытом доступе, приглашаю ее посмотреть.

В той статье я также высказываю мысль, что постсоциализм — это не региональный, а глобальный феномен и должен осмысляться именно так. Вместе с государственным социализмом в глобальном масштабе исчез альтернативный идеологический центр исторического развития, который стимулировал конкуренцию моделей социального развития и полярных образов будущего. Произошло то, что Фукуяма назвал «концом истории». Другими словами, исчезновение образа будущего. Ведь у капитализма при отсутствии социализма нет иного будущего, чем настоящее. В итоге происходит то, что мы наблюдаем во многих странах на наших глазах — возвращение «истории» в форме националистического разворота. Вероятно, это ответ электората как на кризис неолиберальной глобализации, так и на кризис социально-демократических идей, которые без альтернативного центра тяжести в лице СССР так и не смогли предоставить неолиберализму реальную историческую альтернативу.

Интерес в плане возможной теоретизации представляет и наследие советского города. Например, вопрос, насколько советский город являлся воплощением того, что сейчас называют справедливым городом, устойчивым городом. В неолиберальном постсоветском мире такая постановка вопроса была почти табуированной, а понимание советского города в современных западных академических публикациях представляется в своей массе карикатурным, основанным на неких идеологемах, исходящих «из общих представлений» авторов. Забыты даже серьезные исследования зарубежных исследователей-современников, которые проводились в «реально существующем» советском городе, а не в его вымышленном образе. И, конечно, это мешает использовать наследие советского города в новых теоретических построениях.

В карикатурном образе советского города весь советский период представляется как некий однородный, одномоментный сгусток истории, представляющий по большому счету малоподвижную композицию. Предлагаю читателям взглянуть на нее. Сверху зиждется монумент Ленину. Такой огромный, что город его не вмещает, он заполняет практически все советское пространство и затмевает солнце. Непосредственно под монументом, на пьедестале выстроилась безликая Номенклатура — каста городских избранных. В руках она цепко держит спецпайки, толкается и с ожесточением смотрит друг на друга. Номенклатура контролирует город, планирует коммунистические парады и управляет заводами. А ничего дельного эти заводы не производят, в основном сжигают бесплатное топливо и хорошо выделяются на фоне слякотного неба своими непропорционально вертикальными коптящими трубами. А внизу, между серых и покосившихся в результате плохого качества строительства и хронического дефицита, стройматериалов много-много-этажек, зоркий отряд сотрудников КГБ наблюдает, как тянется бесконечная и безмолвная очередь в продуктовый магазин, на угрюмых прилавках которого лежит несколько низкокачественных, малосъедобных товаров. В глазах людей — одновременно культ личности, экзистенциальный страх и едва живая, но все же единственная цветная во всей этой черно-белой картине мечта о свободе, состоящая из 10 латинских букв: K-A-P-I-T-A-L-I-Z-M... Возможны и вариации на тему этой композиции с добавлением персонажей и мрачности. Но в целом, пожалуй, забавно будет сравнивать публикации академических «художников» с нарисованным мною здесь образом.

А если стряхнуть с себя этот абсурд, то в советской модели города были мощные импульсы в направлении справедливого и устойчивого города. Доминанта планирования и в целом сильного регулирования требовала соблюдения определенных критериев, в том числе идеологических, таких как доступность жилья, справедливое распределение общественных благ. Город играл роль перераспределительной машины, в моральной философии это называют *distributive justice*. Население имело более или менее равные возможности и доступ к определенному уровню комфорта, было гарантировано право человека на жилье. Город также реализовывал те концепции, которые мы все сейчас обсуждаем в рамках экологически устойчивого города. Это и компактная высокоплотная

застройка, и ограничение роста и расползания городской застройки, и приоритет общественного транспорта и ограничение личных автомобилей, и создание того, что сейчас называется mixed-use development, то есть смешанной комплексной застройки с максимальной интеграцией социальной инфраструктуры в жилые кварталы и ее пешеходная доступность. Это и развитие общественных пространств, зеленых зон, централизованных районных систем теплоснабжения и так далее. Но если советский город являлся именно таковым, почему эта модель не смогла реализоваться как некая «мечта» об устойчивом городе, которую сейчас так активно ищут в мире?

Конечно, не следует забывать, что советский город был все же апофеозом модернизма, где модернизм, причем индустриального толка, был возведен в абсолют. Городу были присущи однородность и конформизм (и в архитектурном плане), город был поставлен на службу индустриализации и зажат рациональностью. И это, конечно, входило во все больше противоречие с культурными запросами общества. Ведь с 1970-х годов прошлого столетия был сильный поворот к постмодернизму. На первый план выходит личность, субъективизация, отрицание шаблонов и метанарратива, смешение стилей. Поиск контрастов, впечатлений. Да, народ требовал зрелищ. В широком понимании. И здесь морализация и этика советского города (модель социальной справедливости и идеологической морализации, которую воплощал советский город) вступила в противоречие с эстетикой постмодерна. Не было эстетики урбанизма в широком понимании: визуальной эстетики городской застройки, социальных отношений, вовлечения в дискуссию, вовлечения гражданского общества в принятие решений. А такая эстетика ведь тоже имеет этическое продолжение: вопросы демократии, то что называется participatory justice.

Однако проблема в том, что постсоветский период сопровождался утратой той этики, которая составляла достижение советского города. При этом эстетика, конечно, формируется не полно, а выборочно, не для всех и не везде. На выходе мы не получаем ни того, и ни другого – ни полноценной этики, ни полноценной эстетики...

Пока осмысление и переосмысление этих и других вопросов не происходит в должной мере. Даже не видно формулировки вопросов, насколько постсоветский город может служить базой для теоретизирования в социальных науках, не говоря уже о поисках ответов на эти вопросы. По крайней мере, нет ярких концепций. Вероятно, сказывается отсутствие критической массы таких попыток и исследований, а также интеллектуальных лидеров.

АЛ: *Одна из Ваших последних публикаций вместе с Мирьям Бюденбендер касается геополитики недвижимости. На первый взгляд, темы мало связаны между собой. Расскажите, какие связи и закономерности Вам удалось проследить?*

ОГ: Действительно, у нас есть статья, опубликованная в *International Journal of Housing Policy*, где мы пытаемся осмыслить возможную роль недвижимости в формировании геополитической взаимозависимости. Например, инвестиционная взаимозависимость или идеологическая привязка тех или иных моделей жилищного и ипотечного рынка — скажем, привязка к американским моделям, нежели германским, которые весьма отличаются друг от друга. Не менее интересна роль недвижимости в возникновении так называемой «мягкой силы», которая может играть роль в продвижении внешних национальных интересов или посылать определенный сигнал о способностях государства (например, через мега-проекты). Это с одной стороны.

С другой стороны, мы проблематизируем само понятие геополитики — в господствующем понимании нечто цельное, привязанное к территории и интересам государства, к его границам и бюрократии. Вместо этого мы представляем геополитику как «ассамбляж», как процесс, который постоянно находится в движении и строится на совокупном поведении и проявлении множества акторов, элементов и центров принятия решений, в том числе интересов, завязанных на недвижимости, которые могут влиять на формирование и изменение международных отношений. Не обязательно это проходит целенаправленно или с желаемыми для кого-то эффектами. Идет речь о том, что мы называем «геополитикой множества».

АЛ: *В Киеве, особенно в последние годы, сильно усилились процессы пространственного вытеснения. В основном это касается мест досуга — кафе, ресторанов, кинотеатров. По крайней мере пока что нет данных о том, что происходит и жилищное вытеснение. Как Вы считаете, стоит ли называть такие процессы джентрификацией или это что-то другое?*

ОГ: Здесь надо рассматривать, чем эти объекты вытесняются, на что заменяются и почему. Если «элитными» объектами или под интересы определенных социальных групп с более тугими кошельками или крепкими связями наверху — это симптомы джентрификации.

Но такие процессы идут давно. Например, период «восстановительного роста» в наших странах перед глобальным финансовым кризисом 2007—2008 годах сочетался с ускоренной джентрификацией центральных районов столиц, когда население этих районов вытеснялось в другие, более периферийные районы. Это вытеснение осуществлялось и «рыночными» механизмами, и с использованием криминальных мер. Затем там образовывалась или строилась элитная недвижимость.

Яркий пример — центр Москвы, начиная, пожалуй, с коренной перестройки района Остоженки в начале 2000-х годов. (мы тогда проводили исследования там), а затем распространение этого «опыта» по всей центральной Москве. Но те же процессы можно наблюдать на всем постсоветском пространстве — от Тбилиси до Вильнюса. Можно сказать, что коренное население, то есть те, кто проживал там многие десятилетия, подвергается репрессиям и депортации (мягкой или жесткой), а «очищаемое» от него пространство занимают новые поселенцы, приобретшие «право» на эту территорию своим тугим кошельком. Городские элиты откровенно перевели право на пространство в чисто экономическую плоскость, в зависимости от покупательной способности тех или иных групп.

"Городские элиты откровенно перевели право на пространство в чисто экономическую плоскость."

Так называемые «элиты» до того обнаглели, что в лужковской Москве в правительстве города тогда открыто высказывался тезис, что центр Москвы не для бедных. Такое понимание настолько «натурализовано», что оно даже воспринимается как нечто очевидное, не требующее даже осторожной политкорректности. Конечно, такие процессы совершенно не естественные, а весьма рукотворные. Они даже не рыночные, поскольку местные власти активно им способствуют, а коррупция и криминал им сопутствуют. Эти процессы требуют политизации и спроса с тех, кто делает их возможными, формируют именно такую политику и именно такой репрессивный климат. Во многих странах Европы, особенно социально-ориентированных, даже в Великобритании, более либеральной Америке и в других регионах мира, существует масса механизмов противодействия такому извращенному «естеству».

И здесь Ваш вопрос надо ставить таким образом: исходя из того, что мы видим, кто реально имеет право на город и на определенный район города? Ответ на этот вопрос и даст понимание сущности происходящих процессов.

АЛ: *Военный конфликт на Донбассе перекраивает не только политические и административные карты, но и социально-экономическое пространство городов, затронутых войной. Можно ли обобщить направления, в которых обычно происходят такие изменения (на примере более давних конфликтов как на постсоветском пространстве, так и в других урбанизированных регионах)?*

ОГ: Очень интересный вопрос, но мне трудно его комментировать, поскольку я этой темой не занимался. Но, конечно, налицо процессы резкого сокращения населения таких городов (многие стали беженцами) и усугубление процессов «сжатия» этих городов, потеря экономической и социальной базы развития, возникновения огромных рисков для инвестирования и ведения нормальной экономической деятельности, милитаризация повседневной жизни и механизмов управления. Конечно, это сказывается на уровне жизни, возможности городов обеспечивать надлежащий уровень общественных сервисов. Собственно, это гиперконденсация процессов (только в более трагическом формате и с более многочисленными жертвами), которые пережили многие периферийные индустриальные города после распада СССР да и в мире

в целом. Пожалуй, было бы интересно провести сравнительный анализ Детройта и Донецка. Мне кажется, можно было бы найти массу параллелей (хотя в Детройте основным будет фактор расизма). Но в конфликтных зонах также меняется психо-культурный портрет населения, который характеризуется коллективной травмой и некой внутренней сплоченностью в результате поляризации мира на своих-чужих, подозрительностью к внешней среде.

Если говорить в перспективе нормализации ситуации, история показывает примеры и затяжного упадка городов в постконфликтных зонах, и быстрого их восстановления при условии активного финансирования центральным государством (например, послевоенное восстановление советских и европейских городов или более свежий пример — восстановление разрушенного Грозного в Чечне). В любом случае, «память» о войне остается по крайней мере на одно-два поколения. Останутся и артефакты, памятники, которые служат меморизации войны — здания, пробитые шрапнелью, которые до сих пор остались в центрах многих городов Европы, как после войны, так и после событий вроде Венгерского восстания или Пражской весны. Их интерпретация зависит от идеологии победившей стороны, что, впрочем, не мешает поминания обратной стороны медали — или тихо, или иногда громко (например, разбомбленный Дрезден, мемориальный музей мира в Хиросиме).

АЛ: *Какие у Вас планы на будущее? Над какими темами планируете дальше работать?*

ОГ: В ближайшие месяцы планирую дописать книгу, посвященную политике городского развития в России и концептуализации государства и его политики в отношении пространственного развития.

Постоянно появляется почва для новых тем — например, вопросы той же программы реновации хрущевки в Москве — новый импульс трансформации мегаполиса, в т.ч. его социальной трансформации с малопонятными последствиями.

Заботит и поиск альтернативы той панацеи в сфере пространственного развития, которая захлестнула постсоветские страны. Я имею в виду развитие агломераций, которое лишь усугубляет неравенство между крупными и малыми городами. При этом даже экономические эффекты от агломерации эмпирически мало подтверждаются: только в идеализированных моделях с узким кругом параметров они выглядят гладко. Чтобы создать альтернативу, нужно лучше понимать, как

формируется «центральность» в отношениях центра-периферии, возможностей внутренних ресурсов города в т.ч. что сейчас называется foundational esopomy – роли общественных секторов в развитии городов.

Помимо этого идет работа по исследованию пространственного неравенства в результате low-carbon energy transitions — переходов в сторону низкоуглеродной экономики в Британии и Европе. Планов много. Готовим публикации с коллегами и из других регионов мира, например из Китая, по внутренним и внешним мегапроектам.

Беседовала Алёна Ляшева

Читайте еще:

Житлове – це політичне (Девід Мадден, Пітер Маркузе)

Джентрификация: красивое слово или реальный процесс? (Алёна Ляшева)

Жилищный вопрос в Киеве и социальное неравенство: история проблемы (Семен Широчин)

Поделиться

УРБАНИСТИКА

ПРАВО НА МІСТО

ГОРОД

СТАТЬИ

МІСТО

МИР

Рекомендуемые

**«В УКЛОНЕ ВСЕ ЛЕНТЯИ, А УБЕР – ЭТО ШАРАШКИНА КОНТОРА»:
КАК ТАКСИСТОВ ЗАСТАВЛЯЮТ ЛЮБИТЬ СВОЮ РАБОТУ**

30/07/2018

**В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ:
МУНИЦИПАЛЬНАЯ НЯНЯ И СОКРАЩЕНИЕ ВЫПЛАТ МАТЕРЯМ**

19/11/2018

МОРАТОРІЙ І КОНЦЕНТРАЦІЯ ЗЕМ ЯКОЮ МАЄ БУТИ СПРАВЕДЛИВА ЗЕМЕЛЬНА ПОЛІТИ

04/02/2019

Оставить комментарий

Sponsored Links

[Lloyds Is Issuing Large Refunds To Customers - Look Up Your Name](#)

Money Advice & Help

[The One WD40 Trick Everyone Should Know About](#)

Novelodge

[What Kirk Douglas Really Did in The Word War II is Incredible](#)

Mortgage After Life

[How Cruise Ships Fill Their Unsold Cabins](#)

Zagline | Search Ads

[See What Happens to Your Body if You Eat These for Breakfast!](#)

Healthy Chameleon

[This Cheap Drone Is A Sensation In United Kingdom](#)

DroneX Pro

0 Коментарів Спільне: журнал соціальної критики

 Увійти ▾

 Рекомендувати

 Tweet

 Поділитися

Сортувати за найстарішими ▾

Розпочати обговорення...

УВІЙТИ ЗА ДОПОМОГОЮ

АБО ЗАРЕЄСТРУВАТИСЬ У DISQUS

Ім'я

Залиште перший коментар.

 Підписатись

 Додати Disqus на свій сайтДодати DisqusДодати

Sponsored Links

[What Kirk Douglas Really Did in The Word War II is Incredible](#)

Mortgage After Life

[NatWest Is Refunding £40 Billion To Customers - Look Up Your Name](#)

Money Advice & Help

[This Picture Sets The Record Straight Over Who Prince Harry's Father Really Is](#)

Trading Blvd

[See What Happens to Your Body if You Eat These for Breakfast!](#)

Healthy Chameleon

[This Cheap Drone Is A Sensation In United Kingdom](#)

DroneX Pro

[Top CEOs Everywhere Are Using Blinkist To Read More Books](#)

Blinkist

Commons: журнал социальной критики

Ми вітаємо відтворення матеріалів сайту (повністю або частково), якщо в них не внесено жодних змін чи доповнень за умови гіперпосилання на сторінку оригінальної публікації. Використовувати матеріали з комерційною метою заборонено. Думка редакції може не поділяти думку автора(ки).

Последние записи

ХАОС І НЕРІВНІСТЬ У ЛЬВІВСЬКОМУ ПЕРЕДМІСТІ

20/03/2019

СХОВАЙ СВАСТИКУ, СИНКУ, МИ В КНИГАРНІ: ЯК АРСЕНАЛ ВІДМИВАЄ НЕОНАЦИСТІВ

18/03/2019

КОНФРОНТАЦИЯ И НАСИЛИЕ В УКРАИНЕ: КАК СКАЗАТЬ ОЧЕНЬ МНОГО, НЕ СКАЗАВ НИЧЕГО

14/03/2019

Социальные сети

Вверх

CC BY-NC-ND @ 2009 - 2019 • Спільне: журнал социальной критики.

